

ОТЗЫВ

о работе Е.Л. Скворцовой «Культурная традиция и философско-эстетическая мысль в Японии XX века»,
представленной на соискание учёной степени
доктора философских наук (специальность 09. 00. 04 – эстетика).

Диссертационное исследование Е.Л. Скворцовой посвящено идеям и разработкам японской художественной традиции и японской эстетики XX века. Автор показывает, что традиционная японская эстетика опирается на: 1) синтоизм – свод мифов о национальных богах; 2) индийский буддизм в его китайской “обработке”; 3) пришедшее из Китая этико-политическое учение конфуцианства; 4) даосизм – китайский пантеистический мистицизм. Опираясь на традиционную эстетику, диссертантка исследует произведения крупнейших японских учёных прошлого столетия.

На протяжении всего XX в. в мировой культуре настойчиво звучал призыв к ликвидации европоцентризма. Эта проблема осталась **остро актуальной** и сегодня. Диссертация и монография «Япония: философия красоты» Е.Л. Скворцовой вполне отвечают этой весьма актуальной потребности и заслуживают серьезного одобрительного внимания научной общественности. Автор, обладая хорошей философской культурой, подробно рассматривает работы японских эстетиков XX в.

Кратко остановлюсь на содержании этой **новаторской** диссертации.

В **первой главе** автор анализирует этапы формирования эстетики в Японии и рассматривает проблему формы и бесформенного в японской эстетике. В японском языке существует три варианта иероглифов, одинаково переводящихся как “форма” – *ката*, *катати* и *сугата*. Скворцова дает подробный анализ оттенков смысла этих иероглифов и делает вывод, что оппозиция “форма – бесформенное” в дальневосточной культуре соответствует западной оппозиции “форма-материя” (вариант “форма – содержание”). Дальневосточная традиционная эстетика считает “формой” и собственно “форму”, и “содержание”(вещество, материю). Диссертанткой также анализируется проблема “разума тела” как одной из фундаментальных характеристик японской духовной культуры.

Во **второй главе** рассмотрено влияние западной мысли на японскую духовную культуру. Подчеркивается неразработанность философско-эстетического категориального аппарата, который был бы органичен для японской мыслительной традиции. Эстетика как наука сформировалась в Японии этой в период Мэйдзи (1868-1912). В 1893 г. был основан Институт эстетики при Токийском университете “Тодай”, а вскоре начал работать подобный институт и в Киото. Рассмотрены взгляды классиков японской философии XX в. Нисиды Китаро, Ониси Ёсинори и Куки Сюдзо.

Третья глава посвящена анализу взглядов Накамуры Юдзиро,

видного деятеля японской эстетики. Накамура говорит о необходимости длительного становления художника. Склонность к созерцанию нужна для появления состояния *мусин-муга* (бесстрастности и отрешенности – “не-Я”), когда художник начинает спонтанно творить. Согласно Накамуре, основные характеристики японского искусства – “пустотность, телесность и историчность” – приводят к творческому состоянию мусин-муга и к интуиции практического действия или к “общему чувству” (яп. *кёцу кандзё*).

В четвёртой главе диссертантка рассматривает эстетику Идзири Масуро, в которой именно религия определяет традиционные искусства гэйдо, опиравшиеся на буддийско-синтоистские идеи. Идзири подчеркивает “одухотворенность” и синтетичность чайной церемонии. В ней присутствуют заимствования из живописи, каллиграфии, икэбаны, архитектуры, искусства аранжировки сада, гончарного искусства и театра. Идзири объясняет открытость этих искусств феноменом “перетекания” – *каёи*. Он акцентировал телесный момент и ввел в ранг искусств *гэйдо* “второстепенные” с западной точки зрения виды искусств.

В пятой главе Скворцова рассматривает традиционное японское искусство как “праведное искусство”, следуя эстетике Кобате Дзюндзо. Автор подчеркивает, что в рамках художественной традиции *гэйдо* японцы освобождают все чувства от грубого физиологизма. Кобата объединил традиционные виды японского искусства в группу практического “праведного искусства”, занимающего позицию *квазиискусства*, т.е. искусствоподобия. С этим положением трудно согласиться, ибо изысканные классические искусства Японии нельзя отождествлять с квазиискусством. Кобата утверждает, что традиционное японское искусство эстетически осваивает переходную область от быта к собственно художественной области. При этом все пять чувств человека могут выступать как одухотворённые *компоненты эстетических чувств*. У субъекта искусства все анализаторы *выступают проводниками эстетического чувства*. Богатство чувств обеспечивает полноценность эстетического восприятия художественных произведений.

В шестой главе Скворцова анализирует алгоритмические тенденции в японской эстетике на примере творчества Кавано Хироси. Художественная информация имеет двухполюсную природу. На одном полюсе – объективный смысл и рациональное значение знака, на другом – его субъективный смысл и эмоциональное значение; на одном полюсе – коммуникативная, на другом – эстетическая ценность искусства. По мнению Кавано Хироси, будущее искусства зависит от развития художественных возможностей компьютерной техники. Фактически, он настаивает на том, что художественный замысел идеально может выполнить только машина. Кавано как эстетик-технократ подходит к искусству с “кибернетическими мерками”.

В седьмой главе продолжают рассматриваться проблемы применения

компьютерной техники в художественном творчестве. Идеи отрицания такого применения развивает ведущий эстетик Киотской школы Нитта Хироэ. Он ставит вопрос о принципиальной невозможности оцифровывания в сфере искусства. Японский ученый увидел в компьютерном творчестве старые методологические проблемы и применил их к современному человеку и к компьютерной технике. Нитта Хироэ не уделил серьезного внимания *социальной значимости* традиционного искусства, исполнявшего роль “аксиологического педагога”. В Новое время светское искусство отделилось от религиозного, однако продолжило связь с ним. Искусство перестало быть непосредственно-телесным переживанием и для его восприятия потребовались комментарии профессиональных искусствоведов. При этом искусство утратило непосредственную связь с реципиентом. Впрочем, несмотря на антикомпьютерный пафос Нитты Хироэ, он констатирует, что современное искусство невозможно без участия машины.

В **восьмой** главе диссертации Скворцова анализирует интерпретацию японских художественных традиций современными учеными Японии и останавливается на трудах крупнейшего японского эстетика Имамита Томонобу. Он проанализировал этапы развития японской традиционной эстетики и отметил единство эстетического и этического в аксиологических суждениях древних японцев. В их сознании совершенство связано с полным раскрытием жизненных сил, символом которых выступали растения. “Растительной эстетикой” отмечены все виды японского искусства. В то же время для японцев характерна, по Имамита “неличность”. Неслучайно в японском языке отсутствовало слово “личность”. Компенсирует неличность высокая ответственность в социальных отношениях. Это требовало от художника душевной чуткости, поисков не самоутверждения, как принято на Западе, а стремления войти в контакт со зрителем или коллегой. Имамита доказывает, что понятие художественной формы в японском искусстве отличается от формы в западном искусстве. В японском искусстве она обладает большей подвижностью, нечеткостью, нефиксированностью, неявленностью. Художественное творчество, по Имамита, должно основываться на принципе “калокагатии”, т.е. нравственной красоте. “Калокатия” способствует исследованию новых дисциплин: “эко-этики” и “калонологии”. Согласно Имамита, необходимо найти противовес деструктивной силе техники по отношению к сознанию человека. Таким противовесом, считает он, может стать искусство.

Подводя итоги своей работе, Скворцова в **Заключении** отмечает, что в конце XX в. изменился способ взаимодействия людей. Непосредственный контакт заменен контактом, опосредованным техникой. Примечательно, что сегодняшняя эстетика заинтересовалась вопросами синестезии – восприятия, при котором наряду, например, со специфическими зрительными ощущениями, возникают и ощущения, соответствующие другим органам

чувств (вкусовым, осязательным, обонятельным). Автор считает, что в XX в. в Японии завершился этап усвоения западной эстетики и начался новый этап национальной эстетической мысли.

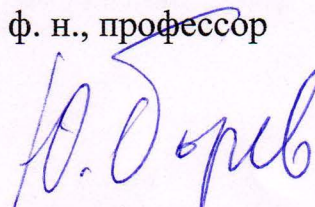
Полагаю, что последнее суждение не совсем точно, ибо после выхода Японии из добровольной средневековой изоляции взаимодействие ее культуры с европейской нарастало и этот вектор характерен для всей современной эпохи. Хотелось бы упрекнуть Скворцову и за то, что, излагая эстетические взгляды Имамита Томонобу, она не привлекла редкую монографическую статью, опубликованную в шеститомном труде “Теории, школы, концепции”.

Несмотря на некоторые неточности, отмеченные мною в ходе изложения содержания диссертации, можно уверенно сказать, что перед нами очень актуальная и компетентная работа. Этот труд способствует созданию полной картины развития мировой эстетики в XX в. Он способствует преодолению европоцентристских представлений о философской науке о прекрасном.

Диссертация Е.Л. Скворцовой подкреплена публикацией целого ряда статей и публикацией серьезной и информативной монографии “Япония: философия красоты”.

Благодаря диссертации и публикациям Скворцовой русский читатель может познакомиться с эстетическими взглядами большинства видных японских ученых, до последнего времени остававшихся неизвестными в нашем отечестве. Знание японского языка не очень распространено среди российских теоретиков искусства, и труд Скворцовой будет весьма полезен для отечественной науки. Работа Е.Л. Скворцовой, безусловно, дает полные основания для присуждения ее автору степени доктора философских наук.

Академик Академии художеств РФ, д. ф. н., профессор

Ю. Б. Борев

Подпись руки профессора Ю.Б. Борева заверяю

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ
УЧЕНЫЙ СЕКРЕТАРЬ
ИМЛИ РАН

А.И. АЛИЕВА

СВЕДЕНИЯ О РЕЦЕНЗЕНТЕ:

БОРЕВ ЮРИЙ БОРИСОВИЧ – академик АХ РФ, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела теории литературы Института мировой литературы (ИМЛИ РАН) им. А.М. Горького.

Проживает по адресу: г. Москва, ул. Красноармейская, д.23, кв. 52.

Телефон: 8 (499) 151 17 90

E-mail: byik@bk.ru